

К ВОПРОСУ О ДРЕВНЕЙШИХ КОММУНИКАЦИЯХ ЕВРАЗИИ

Традиционно считается, что история глобальных коммуникаций на Евразийском континенте начинается с Великого шелкового пути, когда инновационные для своего времени товары — шелк, бумага, порох, пряности становятся достоянием не только китайской, но и других, расположенных за тысячи километров, цивилизаций Евразии.

История этого трансконтинентального транспортного коридора берет свое начало с многолетней поездки китайского князя Чжан Цяня, отправленного ханьским императором У-ди в 138 г до н.э. с целью обследования неведомых китайцам северных и западных сопредельных территорий. В результате этой дипломатической миссии удалось обеспечить безопасное прохождение торговых караванов через обширные степные и полупустынные пространства континента (Байпаков, 2007, с. 114-115).

Однако современные данные археологии, лингвистики, палеогенетики позволяют несколько иначе рассматривать этот тезис и, соответственно, более ранние «дошелковые» каналы коммуникации, сложившиеся на континенте задолго до этого — еще в 3 тысячелетии до н.э.

Под понятием «древнейшие коммуникации» здесь подразумеваются:

– внутренние каналы коммуникации, формирующиеся внутри многочисленных древних социумов и обеспечивающих их собственную идентичность по принципу «свой–чужой». К их числу относятся изобразительная, орнаментальная, музыкальная, вербальная традиции, «дресс-код» в одежде, погребальные ритуалы, обычаи и традиции. Кроме собственной идентификации, их функция состояла в передаче знаний, накопленных социумом, в обучении и развлечении, а также — в управлении общественным сознанием.

– внешние каналы коммуникации — территориальное распространение социумов в пространстве и во времени, выразившееся в миграциях и торговых обменах этих социумов. Причем, для оседлых земледельческих обществ зафиксировать такие каналы значительно проще, чем для мобильных (кочевых), постоянно меняющих свою дислокацию в поисках новых пастбищ для своего скота.

Принципиальное значение в реконструкции древнейших каналов коммуникации имеет анализ инноваций, присутствующих в материальной и духовной культуре этих сообществ, и, напротив, отсутствующих у других, поскольку в основе любого нового канала коммуникации всегда лежит некое прогрессивное изобретение или недоступная ранее вещь (товар).

Применительно к древнейшим социумам Евразии такими инновациями стали:

передовые навыки разведения домашних животных — быков, верблюдов и лошадей, ставших, в свою очередь, упряжными животными для первых колесных повозок, позволивших осуществить первые значительные территориальные передвижения;

навыки использования колеса и изготовления колесных повозок, как таковых, со всеми достижениями сопутствующих этому процессу промыслов;

секреты металлургического производства и литья бронзовых втульчатых предметов в специальных формах, и, прежде всего, оружия и его «движения» в среде древних социумов по всему континенту;

древнейшие разработки медной руды и присадок (олова) и связанные с этим процессом трансконтинентальные поставки олова на огромные расстояния; распространение семян отдельных культурных растений, в том числе, и для окраски тканей.

К числу древнейших внутренних каналов коммуникации, безусловно, следует отнести письменность, как наиболее универсальный и распространенный способ передачи информации очень рано сложившийся в земледельческих оседлых обществах. Племена, расселившиеся в степной полосе Евразии, в силу специфики своего хозяйства, развивали не менее информативный — вербальный и изобразительный — внутренний канал коммуникации, зафиксировать который позволяют древнейшие письменные источники и многочисленные древнейшие изображения на скалах — петроглифы, найденные в различных частях евразийского континента. Эти послания древних, монументально зафиксированные на скалах своеобразных святилищ под открытым небом, сохранились в более целостном виде, в смысле нарративных структур — «изобразительных рядов» — т.е. своеобразных текстов этих посланий. Картографирование таких сходных фрагментов и целых «изобразительных рядов» позволяет реконструировать не только внутренние, но и внешние коммуникации оставивших их социумов, поскольку могли перемещаться только носители этой традиции, но не сами скалы.

В эпоху палеометалла в степной Евразии в широтном направлении с запада на восток, от Дуная до Алтая формируется степная культура скотоводов, которая фиксируется памятниками древнеямной культурно-исторической области (Мерперт, 1977, с. 68-79; он же, 1988, с. 7-36; Энеолит СССР, 1982) с ее многочисленными вариантами, которые соотносятся с конкретными экологическими нишами в степи и связаны, вероятно, с циклическим характером скотоводства.

Выделяются контактные зоны взаимосвязей скотоводов с аборигенным населением. К их числу в западной части Евразии относятся: чересполосное сосуществование древнеямных и других энеолитических групп в Восточной и Центральной Европе, отмеченное В.А. Сафроновым (Сафронов, 1989, с. 203-204), группа памятников в степном Предкавказье — новотиторская культура, Причерноморская группа памятников, старосельская, Приуральская и другие (Гей, 2000). Опубликована значительная серия калиброванных радиоуглеродных датировок Предкавказских степных памятников (Корневский, 2011, с. 21-40). Разработанная последним автором радиоуглеродная хронология майкопско-новосвободненской общности (МНО), являющаяся ключевой для понимания происхождения многих степных культур Евразии древнеямного типа, позволяет уточнить датировку, как собственно самих этих памятников, так и месопотамских, и анатолийских древностей, обосновывая при этом хронологический приоритет последних.

В восточной части степной Евразии такие контактные зоны фиксируются находками афанасьевской и окуневской культур в Южной Сибири и Монголии, каракольской культуры на Алтае, таримских мумий в пустыне Такламакан, заманбабинской группы памятников на юге Центральной Азии.

Происхождение афанасьевской культуры непосредственно связывалось с переселением части древнеямных племен в Сибирь и на Алтай (Киселев, 1949; Алексеев, Гохман, Тумэн, 1987, с. 380-384; Вадецкая, 1986, с. 22; Семенов, 2008; Лазаретов, 1997, 2011), северную и западную Монголию (Новгородова, 1998, с. 78-89).

Ярким доказательством продвижения степных социумов в восточном направлении является находка значительной серии мумий европеоидного облика

в могильниках пустыни Тарим. Синхронные петроглифы и раскопки многочисленных могильников этой серии в Синцзяне дают уникальную информацию об этой миграции (Qi Xiaoshan, Wang Bo, 2008).

Необходимое звено, позволяющее связать западные, восточные и южные памятники, обнаружено теперь в Сарыарке, где в последние годы раскопана серия древнеямных погребений (Евдокимов, Ломан, 1989, с. 34-46; Мерц, 2005, 2006, 2007). Наиболее яркими среди них являются погребения в грунтовых ямах и каменных ящиках, содержащие останки людей, лежавших на спине с подогнутыми ногами, иногда посыпанные охрой. Умерших сопровождают в могилах круглодонные керамические сосуды, каменные песты и терочники, медные ножи, шилья. Наиболее показательны в этой серии погребения в кургане могильника Карагаш в Центральном Казахстане, в Восточном Казахстане — Черновая 2 и в Прииртышье — Григорьевка 2. Наряду с известными на севере региона терсекскими, суртандинскими, атбасарскими (Зайберт, 1993, 2009; Логвин, 1991) древнеямные сосуществуют в Сарыарке синхронно и аналогично «чересполосному» их существованию, зафиксированному для западного ареала распространения древнеямной культурно-исторической области.

Продвигающиеся с запада на восток в течение всего 3 тысячелетия до н.э. древнеямные кланы ранних скотоводов обладали рядом прогрессивных для того времени инноваций, которые, очевидно, и позволили обеспечить, как такую продолжительную миграцию саму по-себе, так и их конкурентное преимущество в сравнении с аборигенным населением.

К числу таких инноваций относятся, кроме передовых успехов в животноводстве, обеспечивающем более гарантированный прибавочный продукт в сравнении с рискованным земледелием — развитые навыки строительства разнообразных типов колесных транспортных средств, и, прежде всего, передвижных жилищ — домов на колесах (Гей, 2000; Избицер, 1993); развитые металлургические навыки, мегалитическая и изобразительная традиции. Несомненно, что коммуникативная функция последней имела важнейшее значение для самоидентификации древнеямных социумов, оторванных друг от друга на значительные расстояния в степи.

Известные изобразительные памятники в Сарыарке подтверждают это предположение. С продвижением древнеямно-афанасьевского населения В.К. Мерц связывает местонахождения петроглифов в урочище Акбидаик близ Екибастуза и Олентинские писаницы в долине одноименной реки (Мерц, 2002, 2007), к их числу следует также отнести недавно открытые петроглифы в районе южных отрогов Уральских гор — Мугоджары, а также группу изобразительных памятников с рисованными охрой в гротах и в скальных нишах рисунками, отличными от петроглифов, выбитых точечной техникой, либо шлифованных или вырезанных на скалах. Рисованные петроглифы обнаружены в живописных гротах (Драверта) и нишах на озере Жасыбай, в гроте Тесиктас (в окрестностях пос. Аксу-Аюлы, Центральный Казахстан) и в примыкающем географически к региону на востоке, в предгорьях Алтая — Тарбагатае. В тех местах открыт грот Акбаур, по стенам и потолку которого темно-красной краской нанесены геометрические знаки, изображения легких переносных жилищ типа шалаша и распряженной двуколки, всего свыше 80-ти фигур (Самашев, 1992, 2010). Автор датирует повозку по сочетанию дисковых колес с показанными особенностями ярма (вертикальным притыкам) началом — первой половиной 2 тыс. до н.э. Представляется, что эти изображения древнее и могут датироваться второй половиной 3 тысячелетия — рубежом 3-2 тысячелетий до н.э.

На своде грота Тесиктас красной краской нарисованы различные геометрические знаки и две массивные фигуры быков. Всего обнаружены две

группы рисунков. Стиль их изображения полностью совпадает с трактовкой аналогичных фигур на плитах могильника Черновая VIII (Южная Сибирь) и в синхронных петроглифах долины р. Чулуут (Монголия). Эти сюжеты с массивными быками практически всегда сочетаются с антропоморфными существами, пальцы которых намеренно расставлены в стороны, и с женщинами-прародительницами в «интересных» позах и сценах (Новгородова, 1989, с. 89 и след.; Новоженев, 2002).

Среди рисунков на озере Жасыбай выделяется центральный антропоморфный персонаж с отходящими от головы лучами — вероятный прообраз знаменитого «солнцевого» божества, позднее повсеместно распространенного в петроглифах эпохи бронзы Центральной Азии.

Истоки древнейшей (афанасьевской) изобразительной традиции уходят в древности памятников западного ареала, в том числе, в наиболее показательные и значимые могилы с повозками. Непременный атрибут могил этого типа — покрытие из войлока. Циновки и деревянные детали, лежащие на перекрытиях таких могил, раскрашены зигзагообразным узором, нанесенным красной краской (Лебеди I, курган 2, могила 119), обнаружена и сюжетная роспись красной краской на таком перекрытии в могиле 11, кургана 3 могильника Батурицкий II (Гей, 1991, с. 59-60; Шарафутдинова, 1983).

К числу наиболее ярких памятников Южной Сибири относятся многочисленные антропоморфные стелы, на которых, как правило, сочетаются скульптурные изображения женского (?) лица на торцевой части и различные петроглифы на боковых сторонах. Иногда это просто каменные плиты с различными изображениями, но почти всегда выбиты личины с отходящими от головы лучами, «антеннами», непонятными отростками (Вадецкая и др., 1980, с. 123-147). Древнейшие в Центральной Азии изображения повозок — фургона на Знаменской стеле, телеги на изваянии у станции Усть-Бюрь и двуколки на аскизской стеле и в гроте Акбаур — датируются афанасьевским временем.

Важная деталь знаменского фургона — сидящий внутри возничий, что соотносится с особой конструктивной деталью древнейших сохранившихся повозок — специальным помостом-сиденьем. В последнее время добавились новые изображения этой серии — условные изображения «сидячего возницы на колесе» (Davlet M.A., Davlet E.G., 2004, s. 237-246, abb.1). Аналогичное изображение крытой телеги с сидящими возничими обнаружено в горах Кулжабасы (Сала, Деом, 2005) и сопоставимо с телегами, раскопанными на Гонур-тепе (Сарианиди, Дубова, 2010).

Приведенные выше материалы позволяют предполагать существование трансконтинентального канала коммуникации древнейших сообществ скотоводов, сформировавшегося в широтном направлении по всему континентальному поясу степей. Кочевавшие на своих фургонах-жилищах вслед за своими многочисленными стадами в поисках новых пастбищ некоторые производственные группы скотоводов постепенно продвигались на восток и достигли Минусинской котловины, которая естественным образом ограничивает евразийские степи на востоке.

Эти первые переселенцы, привезли с собой многие необычные навыки — изобразительную традицию украшения охрой стен своего жилища-фургона, традицию возводить мегалиты — стелы-менгиры и каменные ящики своих гробниц — жилищ в ином мире, свои производственные навыки и свои собственные коммуникативные системы. Оказавшись в комфортной и достаточно обширной экологической нише, каковой является Минусинская котловина, они активно стали вступать в различного типа отношения с редким аборигенным населением, воспринимая их традиции и некоторые обычаи через своих местных жен. Дальнейшее продвижение этих групп было возможно только в южном

направлении, вектор этого движения направлен на степные пространства Монголии и Синцзяна, через горные долины Алтая и Тувы.

В 3 тыс. до н.э. в Евразии произошло глобальное изменение климата — он стал более континентальным и сухим (Долуханов, 1984, с. 31), что явилось главной предпосылкой к развитию скотоводческого уклада хозяйства. В культурно-историческом понимании — это обширное сообщество пастухов, объединенных единым занятием — воспроизводством скота, обслуживанием этого процесса и сходной системой мифологических представлений. Такое широкое распространение памятников сходного типа по всему степному поясу Евразии может быть объяснено ранним возникновением номадизма, как основного типа хозяйства, уже в начале 3 тыс. до н.э. (Мерперт, 1977, 1988; Шилов, 1975, с. 5-15). А. Тойнби относил начало кочевничества к концу 4 – началу 3 тыс. до н.э. (Тоунбее, 1934, р. 404). Трудно согласиться с представлением, что переход к кочевому скотоводству совершился лишь на рубеже 2-1 тыс. до н.э. (Хазанов, 1973, с. 5-10; Марков, 1976, с. 109) в этот период кочевое скотоводство, очевидно, заняло определяющее место в жизни степных обществ и приобрело, как отметил Н. Масанов, универсальный характер (Масанов, 2000, 2011).

Памятники этой степной культуры, впервые выделенные В.А. Городцовым, определялись как древнеямные, по основному элементу погребального обряда — захоронению в грунтовой яме. Позднее эти памятники получили и другое название — «курганная культура» (Gimbutas, 1970) по характерному погребальному сооружению. Представляется, что к этим терминам, описывающим погребальный обряд, должно быть добавлено определение «фургонная», поскольку фургон или разборное жилище, устанавливаемое или перевозимое на телегах, есть основной тип жилища носителей этой культуры.

Единственный возможный способ расселения скотоводов в степи — в небольших производственных коллективах-кланах, разделенных между собой значительными пространствами пастбищ. Демографический рост численности этих коллективов приводил к выделению производственных групп родственников, вынужденных искать новые пастбища для своего скота, поскольку конкретное количество домашних животных требовало соответствующего их физиологическим потребностям количества биомассы (Федорович, 1973; Масанов, 2000, 2011). Так, для нормального воспроизводства одной особи лошади в течение одного года требовалось не менее 20 га пастбищ, для одной особи овцы — 12-24 га.

Эти выводы означают, что миграция степных социумов на первоначальном этапе носила добровольный и вполне мирный характер, напоминавший больше освоение целинных земель, а не процесс колонизации «чужих» территорий со всеми ужасами ассимиляции и насильственным покорением аборигенного населения (показательными в этом смысле представляются укрепленные поселения Аркаим и Синташта, покинутые населением одновременно, без видимых следов каких-либо батальных событий, так же как покинута Хатусса (Богазкей) — столица Хеттского царства или Гонур-тепе в Маргиане). Скорее всего, этот процесс продвижения приводил к резкому увеличению количества смешанных браков и достаточно быстрой по историческим меркам смене антропологического типа, некоторым инновациям в хозяйственных навыках, что фиксируется разнообразием типов и декора керамики, и, возможно, приводил к изменению языка общения, сохраняя и консервируя при этом наиболее архаичные и устойчивые черты собственной идентификации.

К концу 3 тысячелетия до н.э. на евразийском континенте уже существовала довольно сложная и развитая система различных каналов коммуникации между обитавшими здесь разнообразными социумами. Очевидно, что в широтном

направлении сформировался трансконтинентальный транспортный коридор, связывающий европейскую и азиатскую его части. Определенно фиксируются две ветви этого коридора: северная и южная. Первая проходила по равнинным, степным и лесостепным районам континента до Минусинской котловины и северных районов Китая на востоке и до Скандинавского полуострова — на западе. Вторая проходила южнее — до Хараппы на востоке и средиземноморского Магриба на западе. В азиатской части континента зафиксированы каналы коммуникации по линии «север–юг» через территорию Турана. В этот период формируются контактные зоны, в которых складываются различные по характеру системы взаимодействия групп скотоводов с аборигенным населением (рис. 1).

Выделяются внутренние и внешние каналы этих коммуникаций, для которых характерны взаимоотношения, главным образом, между этнически родственными и близкими по языку группами скотоводов и менее развитыми в экономическом отношении социумами (Новоженков, 2012).

В этой системе взаимосвязей скорее преобладали брачно-семейные отношения, натуральные обмены, совместные ритуальные (культовые) церемонии, наподобие праздника медведя у северных народов или индийских вакхических праздников плодородия, которые проходили в святилищах с петроглифами, в своеобразных храмах под открытым небом, в самых значимых и удобных местах, на маршрутах к новым пастбищам и плодородным долинам.

В последующие исторические периоды эти каналы коммуникации активно развивались на основе новых технологий и инноваций, закономерно приведших к формированию знаменитого Великого Шелкового пути.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеев В.П., Гохман И.И., Тумэн Д. Краткий очерк палеоантропологии Центральной Азии (каменный век — эпоха раннего железа) // Археология, этнография и антропология Монголии. — Новосибирск, 1987. — С. 208-241.

Байпаков К.М. Великий Шелковый путь (на территории Казахстана). — Алматы, 2007. — 496 с.

Вадецкая Э.Б., Леонтьев Н.В., Максименков Г.А. Памятники окуневской культуры. — Л., 1980. — 148 с.

Вадецкая Э.Б. Археологические памятники в степях Среднего Енисея. — Л., 1986. — 178 с.

Гей А.Н. Новотиторовская культура (предварительная характеристика) // СА. — 1991. — №1. — С. 54-71.

Гей А.Н. Новотиторовская культура. — М., 2000. — 224 с.

Долуханов П.М. Неолитическая революция в Передней Азии: экологические, культурно-исторические и лингвистические аспекты // Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. — Ч. 1. — М., 1984. — С. 29-31.

Евдокимов В.В., Ломан В.Г. Раскопки ямного кургана в Карагандинской области // Вопросы археологии Центрального и Северного Казахстана. — Караганда, 1989. — С. 34-46.

Зайберт В.Ф. Энеолит Урало-Иртышского междуречья. — Петропавловск, 1993. — 216 с.

Зайберт В.Ф. Ботайская культура. — Алматы, 2009. — 576 с.

Избицер Е.В. Погребения с повозками степной полосы Восточной Европы и Северного Кавказа. 3 – 2 тыс. до н.э.: Автореф. дис. ...канд. ист. наук. – СПб., 1993 – 32 с.

Кореневский С.Н. Древнейший металл Предкавказья. Типология. Историко-культурный аспект. – М., 2011. – 336 с.

Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. – М.-Л., 1949. – 363 с.

Лазаретов И.П. Окуневские могильники в долине р. Уйбат // Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология. – СПб., 1997. – С. 19-64.

Лазаретов И.П. Окуневские личины джойского типа — маркеры древних путей // Наскальное искусство в современном обществе. – Кемерово, 2011. – С. 59-63.

Логвин В.Н. Каменный век Казахстанского Притоболья (мезолит–энеолит). – Алма-Ата, 1991 – 64 с.

Марков Г.Е. Кочевники Азии (структура хозяйства и общая организация). – М., 1976. – 319 с.

Масанов Н.Э. Особенности функционирования традиционного кочевого общества казахов // Сезонный экономический цикл населения Северо-Западного Прикаспия в бронзовом веке. – М., 2000. – С. 116-130.

Масанов Н.Э. Кочевая цивилизация казахов: основы жизнедеятельности кочевничества. – Алматы, 2011 – 740 с.

Мерперт Н.Я. Из истории древнеямных племен // Проблемы археологии Евразии и Северной Америки. – М., 1977. – С. 68-79.

Мерперт Н.Я. Об этнокультурной ситуации IV-III тыс. до н.э. в циркумпонтийской зоне // Древний Восток. Этнокультурные связи. – М., 1988. – Вып. 80. – С. 7-36.

Мерц В.К. Наскальные рисунки края Кереку-Баян. – Павлодар, 2002. – 114 с.

Мерц В.К. Охранные раскопки стоянки Экибастуз 17 // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. – Барнаул, 2005. – Вып. XIV.

Мерц В.К. Индустрия четвертого слоя стоянки Шидерты 3 // Изучение памятников археологии Павлодарского Прииртышья. – Павлодар, 2006. – Вып. 2. – С.10-23.

Мерц В.К. К проблеме миграции в эпоху раннего металла (о погребении ямного типа на Иртыше) // Проблемы археологии: Урал и Западная Сибирь. – Курган, 2007. – С. 71-75.

Новгородова Э.А. Древняя Монголия. – М., 1989. – 383 с.

Новожинов В.А. Петроглифы Сары Арки. – Алматы, 2002. – 125 с.

Новожинов В.А. Чудо коммуникации и древнейший колесный транспорт Евразии. Под редакцией Е.Е. Кузьминой. – М., 2012. – 500 с.

Самашев З.С. Наскальные изображения Верхнего Прииртышья. – Алма-Ата, 1992. – 288 с.

Самашев З.С. Наскальные изображения Казахстана как исторический источник: автореф. ... докт. ист. наук. – Алматы, 2010. – 59 с.

Сала Р., Деом Ж.-М. Наскальные изображения Южного Казахстана. – Алматы, 2005. – 150 с.

Сарианиди В.И., Дубова Н.А. Новые гробницы на территории царского некрополя Гонура (предварительное сообщение // На пути открытия цивилизации. Труды Маргианской археологической экспедиции. Т.3. – СПб., 2010. – 704 с.

Сафронов В.А. Индоевропейские прародины. – Горький, 1989. – 398 с.

Семенов Вл. А. Первобытное искусство. – СПб., 2008. – 323 с.

Федорович Б.А. Природные условия аридных зон СССР и пути развития в них животноводства // Очерки по истории хозяйства народов Средней Азии и Казахстана. – Л., 1973. – С. 207-222.

Хазанов А.М. О периодизации истории кочевников евразийских степей // Проблемы этнографии Востока. – М., 1973. – С. 5-10.

Шарафутдинова Э.С. Новые материалы по эпохе энеолита и бронзы в степном Прикубанье // КСИА. – 1983. – Вып. 176. – С. 15-23.

Шилов В.П. Модели скотоводческих хозяйств степных областей Евразии в эпоху энеолита и раннего бронзового века // СА. – 1975. – № 1. – С. 5-15.

Энеолит СССР. – М., 1982. – 360 с.

Davlet M.A., Davlet E.G. Felsbilder mit Wagendarstellungen in Sibirien und Zentralasien // Rad und Wagen. Der Ursprung einer Innovation Wagen im Vorderen Orient und Europa. – Mainz-am-Rhein, 2004. – S. 237-246.

Gimbutas M. Proto-Indo-European Culture: the Kurgan Culture during V-IV and III Mil. B.C // Indo-European and Indo-Europeans. – Philadelphia, 1970. – P. 155-197.

Qi Xiaoshan, Wang Bo. The Ancient Culture in Xinjiang Along the Silk Road. – Xinjiang, 2008. – 304 p.

Toynbee A. Study of History. – V.III –L. – Oxford Univ. Press, 1934. – 551 p.

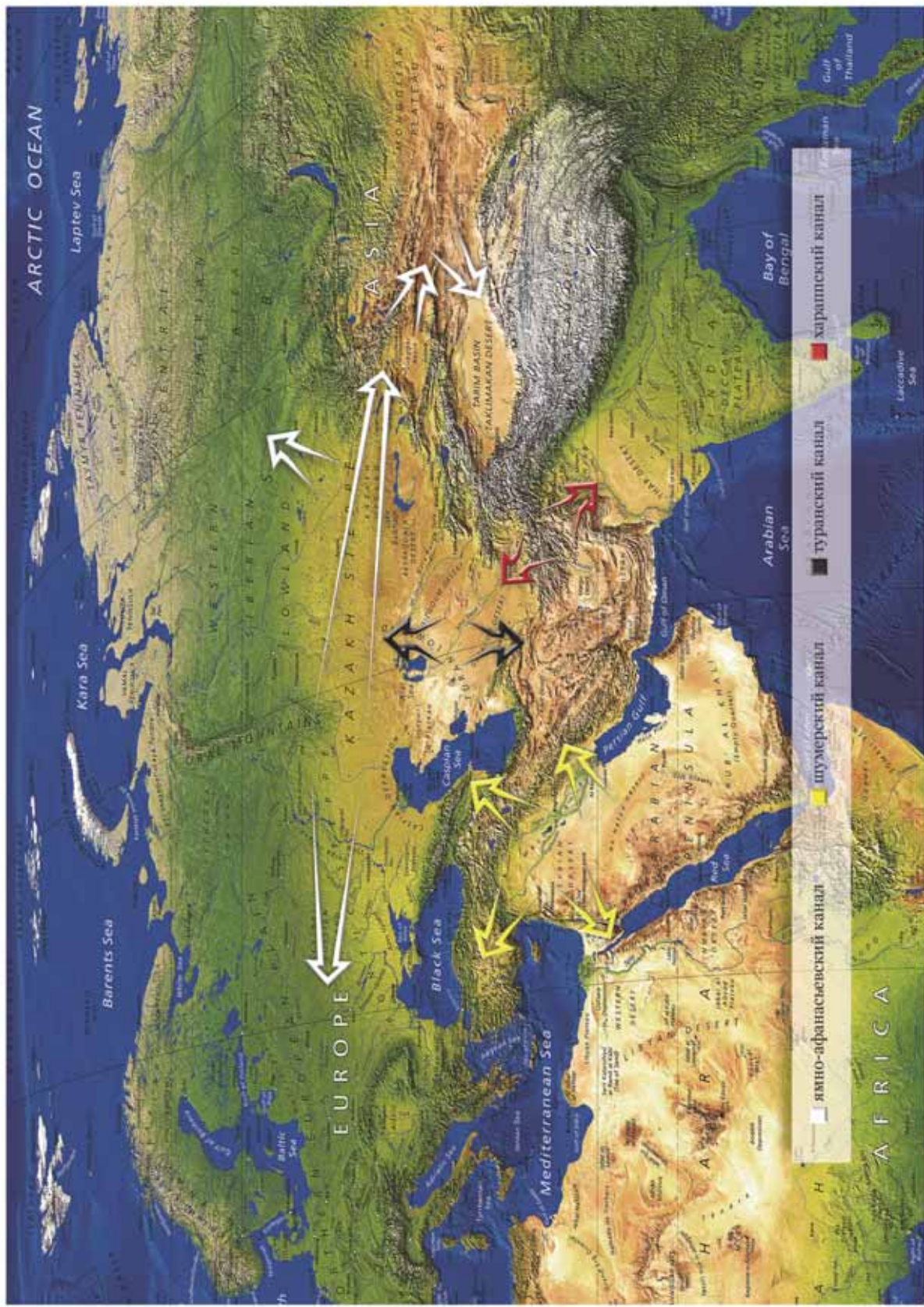

Рис.1. Карта каналов коммуникации в 3 тыс. до н.э.: эпоха фургонов и боевых телег